

Е. А. Абросимова, А. М. Сачек
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва)

«ХРОМАЮЩИЙ РОДИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС» КАК СЛЕДСТВИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДОГОВОРОВ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Правовое регулирование отчасти не успевает за развитием репродуктивных технологий, а отчасти не способно решить этические вопросы, связанные с их применением. Дополнительные сложности возникают при обращении к трансграничному суррогатному материнству, поскольку для признания статуса ребенка необходимо скоординировать две правовые системы. Сложности вызывает также вопрос филиации, поскольку ни по праву почвы, ни по праву крови (с учетом презумпции) рожденные в результате суррогатного материнства дети не могут быть автоматически приняты в гражданство родителей. Еще более неопределенной ситуация становится в период пандемии в отсутствие простого доступа в страну проживания суррогатной матери. Одни страны пошли по пути предоставления специальных разрешений, другие страны заговорили о запрете репродуктивного туризма.

Авторы рассматривают такие проблемы, как существенное расхождение в подходах к регулированию (трансграничного) суррогатного материнства в разных странах, потенциальные запреты в этой сфере, трудности принятия детей в гражданство, поиск баланса между необходимостью учета интересов детей и недопустимостью поощрения нарушения законодательных запретов. Делается вывод о том, что нужно срочно принять документ, регулирующий трансграничное суррогатное материнство. Отчасти эту проблему сможет решить конвенция Гаагской конференции по международному частному праву.

Ключевые слова: суррогатное материнство, трансграничное суррогатное материнство, репродуктивный туризм, регулирование суррогатного материнства, «хромающий родительский статус», запрет суррогатного материнства, филиация при суррогатном материнстве

Для цитирования

Абросимова Е. А., Сачек А. М. «Хромающий родительский статус» как следствие заключения трансграничных договоров суррогатного материнства // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 17–24. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_17.

УДК 347.63

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_17

Суррогатное материнство наряду с криоконсервацией половых клеток, экстракорпоральным оплодотворением (ЭКО) и искусственным оплодотворением (инсеминацией) является вспомогательной репродуктивной технологией. Оно может осуществляться в традиционной и гестационной форме. При традиционном суррогатном материнстве происходит искусственное оплодотворение, т. е. инсеминация женщины, в результате которой

она вынашивает генетически своего ребенка, одновременно выступая в роли суррогатной матери и донора яйцеклетки. При гестационном суррогатном материнстве происходит экстракорпоральное оплодотворение, и женщина, вынашивающая ребенка, не является донором яйцеклетки [Хазова 2020: 95]. Поскольку отделение донорства яйцеклеток от вынашивания плода затрудняет предъявление суррогатной матерью претензий, в практике

различных государств происходит постепенный переход от традиционного суррогатного материнства к гестационному [Choudhury 2016: 2]. Суррогатное материнство может быть реализовано на коммерческой или некоммерческой основе, и чаще всего такие отношения оформляются путем заключения договора особой правовой природы.

Допустимость применения вспомогательных репродуктивных технологий и их регулирование являются одними из самых спорных вопросов в праве. Так, на позицию законодателей различных стран могут оказывать влияние господствующие в обществе религиозные воззрения. Многие религии отрицают возможность обращения к вспомогательным репродуктивным технологиям, исходя из того что зачатие должно происходить естественным путем. Соответственно, в ультракатолических странах, в частности в Италии, применение вспомогательных репродуктивных технологий ограничено [Абросимова 2019: 21].

В зависимости от того, насколько законодательство страны восприимчиво к суррогатному материнству, выделяют три группы юрисдикций:

1) государства (или их составные части), законодательство которых либерально по отношению к суррогатному материнству (Украина и некоторые штаты США);

Регулирование суррогатного материнства на законодательном уровне осуществляется не только в тех странах, где оно разрешено, но и в тех, где установлен запрет на него

2) государства, в которых применение данных вспомогательных репродуктивных технологий запрещено (например, во Франции, где до 2015 г. детям, рожденным за границей в результате применения суррогатного материнства, отказывали не только в предоставлении гражданства, но и в признании их правовой связи с генетическими родителями, применение суррогатного материнства до сих пор запрещено). Запрет на суррогатное материнство в этих странах мотивирован, как правило, тем, что реализация программы посягает на достоинство ребенка и суррогатной матери [A Preliminary Report 2012] (хотя во Франции позиция Европейского Суда по пра-

вам человека значительно скорректировала общий подход к суррогатному материнству);

3) страны, в которых законодательство либо вообще не регулирует суррогатное материнство (Бельгия), либо ограничивает его применение (например, в Великобритании и Израиле разрешено только некоммерческое суррогатное материнство) [Вершинина, Кабатова, Яшметова 2011]. Однако отсутствие регулирования суррогатного материнства не означает, что государство признает законность договоров, направленных на его реализацию. На Гагской конференции по международному частному праву отмечалось, что по законодательству государств, которые прямо не запрещают суррогатное материнство, договоры могут быть признаны ничтожными из-за их каузы (речь идет о странах континентальной системы), а именно из-за обязательства суррогатной матери передать ребенка потенциальным родителям после его рождения, если таковое закреплено в договоре.

Регулирование суррогатного материнства на законодательном уровне осуществляется не только в тех странах, где оно разрешено, но и в тех, где установлен запрет на него. Так, наличие полного запрета предполагает отказ в предоставлении семейного статуса и гражданства, а также установление административной или уголовной ответственности за участие в реализации суррогатного материнства. Отказ в предоставлении семейного статуса означает помещение ребенка в детский дом и невозможность признать его потомком суррогатной матери или генетических родителей.

При этом регулирование может быть как исчерпывающим, так и менее детальным. Однако даже если непосредственно суррогатному материнству посвящено небольшое количество норм, в национальном законодательстве существуют и другие нормы, определяющие порядок его реализации, в частности нормы семейного законодательства, регулирующие вопросы происхождения детей, а также нормы института гражданства [Choudhury 2016: 5].

В реализации суррогатного материнства могут, как известно, участвовать лица, находящиеся в разных юрисдикциях. В этом случае речь идет о трансграничном суррогатном материнстве. По определению, данному Гагской конференцией по международному

частному праву, трансграничный договор суррогатного материнства представляет собой договор суррогатного материнства, заключенный между потенциальными родителями, постоянно проживающими в одном государстве, и суррогатной матерью, постоянно проживающей в другом государстве или пребывающей на его территории. Трансграничное суррогатное материнство, как и внутринациональное суррогатное материнство, может осуществляться в традиционной или гестационной форме равно на коммерческой и альтруистической основе [A Preliminary Report 2012]. При этом критерий трансграничности предполагает нахождение родителей и суррогатной матери в разных странах.

Обращение пациентов за медицинскими товарами или услугами за границу (т. е. если основная цель их поездки состоит именно в получении этих товаров или услуг) является медицинским туризмом. Термин «туризм» используется потому, что пациенты, которые едут в другие страны за медицинской помощью, часто получают для этого обычные туристические визы. Медицинский туризм превратился в огромную индустрию, которая составляет примерно 60 млрд долл. и продолжает стремительно расти [Margalit 2016: 45]. Одним из видов медицинского туризма выступает репродуктивный туризм, при котором целью поездки становится применение вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства [Peña-Guzmán, Crozier 2016: 46].

Если пациенты получают за границей медицинские услуги, которые являются законными в стране «назначения», но незаконными в стране их гражданства или постоянного проживания, речь идет об «обходном туризме» [Margalit 2016: 47]. Как показывает практика, намерение законодателей запретить суррогатное материнство не мешает заинтересованным лицам участвовать в реализации этой программы за рубежом. Однако законодательство некоторых стран прямо запрещает иностранным лицам обращаться к услугам суррогатных матерей на их территории. Подобный запрет установлен в Непале, Тайланде и Индии, которые до недавнего времени были одними из самых востребованных направлений репродуктивного туризма.

Недалек тот день, когда и в России может быть установлен подобный запрет на обра-

щение иностранцев к российским суррогатным матерям. Для этого предпринимаются все усилия. На текущий момент законопроект № 1191971-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части установления требования о наличии гражданства Российской Федерации при использовании суррогатного материнства на территории Российской Федерации) отклонен Государственной Думой в первом чтении и помещен в архив, но дискуссии о необходимости его принятия не утихают. РПЦ считает вынашивание детей суррогатной матерью чуть ли не аналогом рабства¹. Пик негативного отношения к суррогатному материнству пришелся на пандемию COVID-19, когда во многих странах родители не могли забрать своих детей у суррогатных матерей из других стран². На наш взгляд, оптимальным решением проблемы стал бы не запрет трансграничного суррогатного материнства, а создание специального регулирования для решения въездной проблемы [Gilroy 2020].

В России введение запрета возможно «по следам» так называемого Закона Димы Яковлева (Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»), запрещающего усыновление российских детей семьями из определенных стран. В список стран включены и те, в которых законодательно допускаются однополые браки и партнерства. Предполагается, что аналогичным образом будет установлен запрет на суррогатное

¹ В РПЦ сравнили суррогатное материнство с рабством // РИА-Новости: МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/20210518/rpts-1732871360.html?in=t> (дата обращения: 14.01.2022).

² См., например: Bonnett G. Covid Turmoil Stops Parents Reaching Overseas Surrogate Babies // Radio New Zealand. URL: <https://www.rnz.co.nz/news/national/425509/covid-turmoil-stops-parents-reaching-overseas-surrogate-babies> (дата обращения: 14.01.2022); Kale S. Surrogates Left Holding the Baby as Coronavirus Rules Strand Parents // The Guardian: International Edition. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/may/14/surrogates-baby-coronavirus-lockdown-parents-surrogacy> (дата обращения: 14.01.2022); Meyers-Belkin H. Ukraine's Covid-19 Lockdown Leads to Baby Pile-Up and Surrogacy Backlash // France 24: the International News Channel. URL: <https://www.france24.com/en/20200618-ukraine-s-covid-19-lockdown-leads-to-baby-pile-up-and-surrogacy-backlash> (дата обращения: 14.01.2022).

материнство для граждан таких стран, хотя это не вполне логично, поскольку рожденные в результате суррогатного материнства дети генетически не происходят от российских граждан.

Как правило, государства гражданства или постоянного проживания потенциальных родителей («принимающие» государства) оказываются перед фактом свершившейся реализации трансграничного договора суррогатного материнства в следующих случаях:

1) когда потенциальные родители обращаются в консульские учреждения «принимающего» государства в стране заключения договора суррогатного материнства с просьбой выдать ребенку паспорт или другие документы для возвращения в страну их проживания;

2) когда потенциальные родители возвращаются в страну проживания вместе с ребенком и регистрируют его рождение или подают заявление на получение им гражданства. В этом случае ребенок путешествует, как правило, по паспорту государства своего рождения, если законодательством этого государства допускается филиация по праву почвы (как, например, в США).

Власти «принимающего» государства вынуждены дать ответ на два правовых вопроса. Во-первых, кто является законным родителем ребенка? Во-вторых, может ли ребенок получить гражданство? В большинстве государств первый вопрос предваряет второй. В то же время в некоторых странах (например, в Австралии, Израиле и США) ребенку, при наличии генетической связи между ним и одним из потенциальных родителей, может быть предоставлено гражданство, однако это не будет означать признания родительских прав за обоими потенциальными родителями [A Preliminary Report 2012]. Нетрудно представить, какие последствия влечет такой статус-кво, например, в случае развода потенциальных родителей (когда решается вопрос об опеке), если признанный законом родитель умирает, или если умирает непризнанный родитель (в контексте вопросов наследования). На практике это приводит к тому, что родители идут на подделку свидетельства о рождении, чтобы предъявить в консульство его, а не документ из органа ЗАГС или аналогичного органа, в котором установлен их статус. Это незаконный путь решения проблемы, кото-

рую в ином случае можно было бы решить путем применения конвенции о трансграничном суррогатном материнстве.

Как видим, определение происхождения ребенка является наиболее сложной и неоднозначной задачей, стоящей перед властями «принимающего» государства. Как правило, даже если суррогатное материнство носит трансграничный характер, вопрос о происхождении разрешается в соответствии с национальным законодательством [Background Note 2016]. Обычные методы коллизионного права могут не применяться, поскольку существует оговорка о публичном порядке [Choudhury 2016: 19]: признание родительских прав, полученных за границей в результате реализации суррогатного материнства, противоречит национальному запрету на применение данной репродуктивной технологии [Kalin 2017: 907]. Также нормы о запрете могут рассматриваться в качестве сверхимперативных, при этом результат будет аналогичный: происхождение детей будет устанавливаться на основании норм государства, в котором родители планируют проживать с ребенком в дальнейшем.

Вместе с тем некоторые страны под влиянием решений Европейского Суда по правам человека отступают от применения оговорки о публичном порядке. Например, в конце 2014 г. Федеральный верховный суд Германии постановил, что иностранное судебное решение, устанавливающее законное происхождение ребенка от потенциальных родителей, не нарушает публичный порядок. Однако обязательными условиями являются добровольный отказ суррогатной матери от ребенка и наличие генетической связи между ребенком и хотя бы одним из потенциальных родителей [Там же: 908].

В прошлом ответ на вопрос о происхождении ребенка определялся биологическими условиями зачатия, беременности и рождения. Законной матерью признавалась женщина, которая родила ребенка, мужчина становился законным отцом в силу презумпции отцовства или в силу признания им отцовства [Там же: 906]. Однако в связи с достижениями современной репродуктивной медицины ответ на вопрос о законном происхождении больше не является очевидным. Этот вопрос по-разному разрешается в различных правовых системах, и международный консенсус представляется маловероятным.

Судьи и законодатели разных стран выработали три подхода к определению законного происхождения, проистекающего из суррогатного материнства:

1) законной матерью признается суррогатная мать. Мужчина становится законным отцом в силу презумпции отцовства (при наличии заключенного брака) или в силу признания им отцовства. Как правило, общими правилами о происхождении определяется правовой статус ребенка в государствах, в которых суррогатное материнство запрещено или не регулируется) [A Preliminary Report 2012];

2) законными родителями признаются генетические родители ребенка, т. е. суррогатная мать признается законной матерью только при традиционном суррогатном материнстве, а при использовании донорских половых клеток при гестационном суррогатном материнстве возникает правовая неопределенность в отношении происхождения ребенка;

3) законными родителями признаются потенциальные родители, обратившиеся к услугам суррогатной матери, вне зависимости от наличия генетической связи между ними и ребенком.

При применении государством первого подхода потенциальные родители, если у них есть генетическая связь с ребенком, могут попытаться добиться признания родительских прав в судебном порядке. При использовании донорских половых клеток они могут установить законную связь с ребенком в порядке усыновления, однако необходимо принимать во внимание тот факт, что в некоторых государствах действуют правила о недопустимости усыновления ребенка лицами, которые совершали действия, противоречащие закону или публичному порядку [A Preliminary Report 2012].

Если правила, предусмотренные национальным законодательством, не учитывают достижения в области репродуктивных технологий, и положения законодательства разных стран противоречат друг другу, законными родителями в соответствующих юрисдикциях признаются разные лица. Явление, при котором родители признаются таковыми на территории страны установления такого статуса и не признаются в стране своего гражданства, постоянного проживания или какой-либо иной, получило название «хро-

мающий родительский статус» [Абросимова 2019: 23].

Отличия в законодательстве государства, в котором предоставлена услуга суррогатного материнства, и государства гражданства или постоянного проживания потенциальных родителей делают неопределенным статус детей, рожденных в результате реализации программы, поскольку филиация по праву крови напрямую связана с происхождением. Итак, заключение трансграничных договоров суррогатного материнства между сторонами, которые принадлежат к разным юрисдикциям, может привести к появлению детей, не имеющих гражданства.

Приведем пример. Супруги, граждане Японии, заключили договор с суррогатной матерью из Индии. При искусственном оплодотворении была использована анонимная донорская яйцеклетка, и ребенок был генетически связан лишь с потенциальным отцом. Супруги развелись до рождения ребенка, и его потенциальная мать больше не была намерена устанавливать с ним законную связь. Сложилась ситуация, при которой после рождения ребенок (девочка) не мог претендовать на гражданство ни одной из соответствующих стран.

В Японии вопросы происхождения определяются исходя из биологических условий зачатия, беременности и рождения. Законной матерью признается биологическая мать, родившая ребенка. В силу того что суррогатная (биологическая) мать была гражданкой Индии, ребенок не мог получить японского гражданства, по законодательству Индии у него также не было законной матери. Ни донор яйцеклетки, ни суррогатная мать по закону не были связаны с ребенком, а потенциальная мать отказалась от возможности установления с ним законной связи еще до его рождения. Власти Индии отказали в выдаче свидетельства о рождении на том основании, что в свидетельстве должны быть записаны оба родителя.

Отец был вынужден обратиться к правительству Индии с просьбой признать право девочки на проживание с ним. В качестве исключения ей выдали свидетельство о рождении, в котором был записан только отец. Ей также предоставили документы, необходимые для получения японской визы, однако Япония выдала визу лишь на год. Мужчине

предстояло повторно установить отцовство в Японии. Таким образом, противоречия положений законодательства Индии и Японии о происхождении привели к тому, что ребенок, рожденный суррогатной матерью в Индии для потенциальных родителей из Японии, не мог получить гражданство ни одной из этих стран [Choudhury 2016: 12].

Подобные случаи указывают на необходимость международно-правового регулирования трансграничных договоров суррогатного материнства в части, касающейся вопросов происхождения и гражданства. Проект соответствующего нормативного правового акта уже довольно длительное время разрабатывается Гаагской конференцией по международному частному праву.

Важно отметить, что в связи с отсутствием такого регулирования страдают дети – самая незащищенная и нуждающаяся в особом внимании часть населения. Если у суррогатной матери нет возможности и (или) желания воспитывать такого ребенка и у генетических (потенциальных) родителей возникли сложности в том, чтобы забрать ребенка и узаконить его статус, судьбой такого младенца будет детский дом (как в деле «Парадизо и

Кампанелли против Италии»¹) или что-то более страшное.

Из-за того, что единообразный подход к регулированию рассматриваемой сферы не выработан, появилась крайне опасная проблема «хромящего родительского статуса», которая состоит в том, что родители признаются таковыми в стране обращения к услугам суррогатной матери и не признаются в стране своего гражданства и постоянного проживания. Для урегулирования данной проблемы единственным решением (повторим) может стать принятие унифицирующего наднационального документа, поскольку при принятии решений на уровне каждого отдельного государства велика опасность расхождения в подходах. Промежуточным вариантом решения проблемы могут стать квазипреcedентные решения Европейского Суда по правам человека. Также необходимо бороться с введением запретов на трансграничное суррогатное материнство по политическим и религиозным причинам.

¹ Questions and Answers on the *Paradiso and Campanelli v. Italy* judgment (27 January 2015). European Court of Human Rights: Press Service. 2015 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Press_Q_A_Paradiso_and_Campanelli_ENG.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

Список литературы

A Preliminary Report on the Issues Arising from International Surrogacy Arrangements. Hague Conference on Private International Law. 2012 // URL: <https://assets.hcch.net/docs/d4ff8ecd-f747-46da-86c3-61074e9b17fe.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).

Background Note for the Meeting of the Experts' Group on the Parentage. Hague Conference on Private International Law. 2016 // URL: <https://assets.hcch.net/docs/8767f910-ae25-4564-a67c-7f2a002fb5c0.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).

Choudhury C. A. Transnational Commercial Surrogacy: Contracts, Conflicts, and the Prospects of International Legal Regulation // OXFORD Handbooks Online. 2016. № 16–18. 29 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935352.013.38.

Gilroy R. H. V. COVID-19, Surrogacy, and Unplanned Childcare: Why the Commercial Surrogacy Industry Needs New Contractual Provisions After the Pandemic // Georgetown Journal of Gender and the Law. 2020. Vol. 22. № 1.

Kalin Ch. Transnational Surrogacy in the Light of the Case-Law of the European Court of Human Rights // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 6. № 10. P. 906–912. DOI: 10.17516/1997-1370-0097.

Margalit Y. From Baby M to Baby M(anji): Regulating International Surrogacy Agreements // Brooklyn Journal of Law and Policy. 2016. Vol. 24. № 1. P. 41–92.

Peña-Guzmán D., Crozier G. K. D. Surrogacy as Medical Tourism: Philosophical Issues // Handbook of Gestational Surrogacy: International Clinical Practice and Policy Issues / ed. by E. S. Sills. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 46–54. DOI: 10.1017/CBO9781316282618.007.

Абросимова Е. А. Международно-правовое регулирование суррогатного материнства: проблемы и перспективы // Право и современные технологии в медицине / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М., 2019. С. 20–24.

Вершинина Е. В., Кабатова Е. В., Яшиметова М. О. Суррогатное материнство в России и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Семейное и жилищное право. 2011. № 1. С. 3–6.

Хазова О. А. Стороны договора суррогатного материнства: анализ некоторых проблем // Сделки в гражданском и семейном праве, формы защиты прав и интересов участников сделок / под ред. Т. Е. Абовой. М.: Проспект, 2020. С. 88–99.

Екатерина Андреевна Абросимова – кандидат юридических наук, ответственный секретарь Информационного центра Гаагской конференции по международному частному праву, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, д. 76. E-mail: abrosimova_e_a@mgimo.ru.

ORCID: 0000-0003-2801-8686

Анастасия Михайловна Сачек – студент Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, д. 76. E-mail: a-sachek@inbox.ru.

ORCID: 0000-0002-2730-8684

«Limping Legal Parentage» as a Result of Cross-Border Surrogacy

The reproductive technologies are constantly developing but the regulation is partly too slow and partly stuck in ethical issues connected with the application thereof. We also face some extra difficulties when resorting to cross-border surrogacy, it arises as we have to coordinate two legal systems in order to recognise a child's legal status. It's where we are in peril of the «limping legal parentage» problem. Another difficulty is connected with filiation process as long as neither of filiation principles is applicable automatically to give the child citizenship of intended parents. Current pandemic COVID-19 situation also adds some uncertainties. The reason thereof lies in the limited access to the country where the surrogate mother has her domicile due to state anti-pandemic measures. Some countries having faced the problem adopted a system of exclusive licenses allowing to cross their border after or short before the child is born, the others are thinking of putting a ban on cross-border surrogacy due to great numbers of abandoned children.

The goal of the article is to determine main problems connected with cross-border surrogacy and «limping legal parentage», i. e. denial to recognise intended genetic parents as legal parents. The authors see as such problems the following: great differences among national surrogacy regulations, especially cross-border surrogacy, potential bans on cross-border surrogacy, filiation difficulties, finding balance between child's interests protection and non-promotion of breach of legal bans on surrogacy. To sum up there is a great urgency to introduce some unified international regulation. Partly the problem can be solved by the Hague Conference on Private International Law.

Keywords: *surrogacy, cross-border surrogacy, reproductive tourism, surrogacy regulation, «limping legal parentage», surrogacy ban, filiation in case of surrogacy*

Recommended citation

Abrosimova E. A., Sachek A. M. «Khromayushchii roditel'skii status» kak sledstvie zaklyucheniya transgranichnykh dogovorov surrogatnogo materinstva [«Limping Legal Parentage» as a Result of Cross-Border Surrogacy], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 1, pp. 17–24, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_17.

References

Abrosimova E. A. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva: problemy i perspektivy* [International Regulation of Surrogacy: Challenges and Perspectives], Mokhov A. A.,

Sushkova O. V. (eds.) *Pravo i sovremennye tekhnologii v meditsine* [Law and Modern Technologies in Medicine], Moscow, 2019, pp. 20–24.

A Preliminary Report on the Issues Arising from International Surrogacy Arrangements, Hague Conference on Private International Law, 2012, available at: <https://assets.hcch.net/docs/d4ff-8ecd-f747-46da-86c3-61074e9b17fe.pdf> (accessed: 14.01.2022).

Background Note for the Meeting of the Experts' Group on the Parentage, Hague Conference on Private International Law, 2016, available at: <https://assets.hcch.net/docs/8767f910-ae25-4564-a67c-7f2a002fb5c0.pdf> (accessed: 14.01.2022).

Choudhury C. A. Transnational Commercial Surrogacy: Contracts, Conflicts, and the Prospects of International Legal Regulation, *OXFORD Handbooks Online*, 2016, no. 16–18, 29 p., DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935352.013.38.

Gilroy R. H. V. COVID-19, Surrogacy, and Unplanned Childcare: Why the Commercial Surrogacy Industry Needs New Contractual Provisions After the Pandemic, *Georgetown Journal of Gender and the Law*, 2020, vol. 22, no. 1.

Kalin Ch. Transnational Surrogacy in the Light of the Case-Law of the European Court of Human Rights, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2017, vol. 6, no. 10, pp. 906–912, DOI: 10.17516/1997-1370-0097.

Khazova O. A. *Storony dogovora surrogatnogo materinstva: analiz nekotorykh problem* [Parties to a Surrogacy Contract: Analysis of Several Problems], Abova T. E. (ed.) *Sdelki v grazhdanskom i semeinom prave, formy zashchity prav i interesov uchastnikov sdelok* [Transactions in Civil and Family Law, Forms of Protection of the Rights and Interests of Participants in Transactions], Moscow, Prospekt, 2020, pp. 88–99.

Margalit Y. From Baby M to Baby M(anji): Regulating International Surrogacy Agreements, *Journal of Law and Policy*, 2016, vol. 24, no. 1, pp. 41–92.

Peña-Guzmán D., Crozier G. K. D. *Surrogacy as Medical Tourism: Philosophical Issues*, Sills E. S. (ed.) *Handbook of Gestational Surrogacy: International Clinical Practice and Policy Issues*, Cambridge, Cambridge University Press, 2016, pp. 46–54, DOI: 10.1017/CBO9781316282618.007.

Vershinina E. V., Kabatova E. V., Yashmetova M. O. Surrogatnoe materinstvo v Rossii i zarubezhnykh stranakh: sravnitel'no-pravovoi analiz [Surrogate Motherhood in Russia and Foreign Countries: Comparative-Law Analysis], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2011, no. 1, pp. 3–6.

Ekaterina Abrosimova – candidate of juridical sciences, senior secretary in Information Centre of the Hague Conference on Private International Law, associate professor and vice head of the Department of private international and civil law, Moscow State University of International Relations. 119454, Russian Federation, Moscow, Vernadskogo ave., 76. E-mail: abrosimova_e_a@mgimo.ru.

ORCID: 0000-0003-2801-8686

Anastasia Sachek – student, Moscow State University of International Relations. 119454, Russian Federation, Moscow, Vernadskogo ave., 76. E-mail: a-sachek@inbox.ru.

ORCID: 0000-0002-2730-8684

Дата поступления в редакцию / Received: 10.01.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.02.2022